

УДК 82.09

РЕЛИГИОЗНОЕ НАЧАЛО ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ГЕНРИХА БЕЛЛЯ

© 2012 Н.Т.Рымарь

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 19.04.2012

Религиозная основа лирической прозы Белля в его первом романе «Крест без любви».

Ключевые слова: роман «Крест без любви», лирическая проза, религиозное сознание, конфликт абсолютных и социальных ценностей, лирический герой, конфликт.

Первый роман Генриха Белля «Крест без любви», написанный в 1947 году и опубликованный в 2002 году¹, интересен в нескольких отношениях, заслуживающих специального анализа. Во-первых, после того, как несколько издательств, ссылаясь на очевидные слабости стиля начинающего писателя и слишком прямолинейную, в черно-белых тонах, оценку поведения немецких солдат и офицеров в годы второй мировой войны, отказалось его печатать, начинающий писатель во все последующие годы больше не пытался опубликовать или переработать текст и, по его собственным словам, забыл о нем. Во-вторых, при том, что религиозность Белля хорошо известна², роман поражает той прямоотой и эмоциональностью, с которой в нем выражено его религиозное мировоззрение. В-третьих, в образах вымышленных героев и обстоятельств здесь с необычайно высокой степенью непосредственности и опять-таки эмоциональности, почти без дистанции, отражается личный довоенный и военный опыт автора. В-четвертых, несмотря на то, что Белль еще не нашел в этом романе свой стиль

лирической прозы, мы можем с полным на то основанием находить в нем подлинные начала лирической прозы писателя пятидесятых и отчасти шестидесятых годов (до повести «Чем кончилась одна командировка»), потому что здесь обнаруживают себя решающие для концепции личности беллевского лирического героя моменты: писатель нашел здесь то, что сыграет решающую роль при создании его лирической прозы.

Остановлюсь на непосредственно выраженной религиозности беллевской концепции личности в романе «Крест без любви» и проблеме ее роли в формировании лирической прозы писателя. Первый роман Белля позволяет со всей ясностью понять внутреннее «зерно» его концепции лирического героя: глубокий конфликт абсолютных ценностей с ценностями социальными, всеми идеологиями и социальными институтами современной культуры, который определит строение его произведений как на тематическом, так и на повествовательном, композиционном и словесно-речевом уровнях³. Абсолютные ценности – это ценности, которые не могут быть поставлены под вопрос, и они являются духовной опорой существования личности, которая позволяет выдержать герою Белля любые нравственные испытания, внутренне, нравственно противостоять давлению общества со всеми его моральными и социальными устоями. Один из героев романа «Крест без любви», Йозеф, обосновывает это неприятие общественных правовых и моральных норм следующим образом: «Но мы не забудем, что распятие Иисуса Христа сделало его жертвой справедливости этого мира и что мы живем ради НЕГО, который был осужден по всем правилам правовой практики» (425). Эта столь четко выраженная позиция героя по отношению к гражданскому обществу объясняет последовательность беллевского ге-

⁰ Рымарь Николай Тимофеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.

E-mail: Nikolaj.Rymar@gmail.com

¹ Böll H. Kreuz ohne Liebe // Heinrich Böll Werke. Kölner Ausgabe. Bd. 2. Hsg. von J.H.Reid. – Köln 2002. Роман цитируется по данному изданию, страницы указаны в круглых скобках.

² Wirth G. Heinrich Böll. Essayistische Studie über religiöse und gesellschaftliche Motive im Prosawerk des Dichters. – Köln, 1969; Kuschel K.-J. Jesus in der deutschsprachiger Gegenwartsliteratur. – Zürich-Köln, 1978. – S.109 – 159; Kuschel K.-J. Weil wir uns auf dieser Erde nicht ganz zu Hause fühlen. 12 Schriftsteller über Religion u. Literatur. – München 1985; Kuschel K.-J. Liebe – Ehe – Sakrament. Die theologische Provokation Heinrich Bölls // Heinrich Böll 1917 – 1985, zum 75. Geburtstag. Hrsg. von Bernd Balzer. – Bern; Berlin; Frankfurt/M; New York; Paris; Wien, 1992. – S.163 – 178; Kuschel K.-J. Im Spiegel der Dichter. Mensch, Gott und Jesus in der Literatur des 20. Jahrhunderts. – Düsseldorf, 2000; Güstau S. Literatur als Theologieersatz. – Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris, 1990; Nielen M. Frömmigkeit bei Böll. – Anweiler, 1987; Jürgenbehring H. Liebe, Religion und Institution. Ethische und religiöse Themen bei Heinrich Böll. – Mainz, 1994.

³ Такое понимание лирической прозы изложено в монографии автора данной статьи (Рымарь Н.Т. Современный западный роман: проблемы эпической и лирической формы. – Воронеж: 1978).

роя в этом пункте: все социальные устои этого общества, все представления этого мира о справедливости находятся по ту сторону истины, возвещаемой Христом.

Способность внутреннего сопротивления героя миру социальной практики обусловлена верой. Проявившаяся таким образом в первом романе бескомпромиссная внутренняя независимость, суверенность личности беллевского героя определяет затем позицию лирического Я в рассказах и романах последующего периода творчества писателя периода лирической прозы⁴. Роман «Крест без любви» в весьма радикальной форме открывает истинный источник этой внутренней силы сопротивления лирического героя Белля – это установка быть «на стороне Христа». Эта позиция, позволяющая душе не только противостоять морали социальной действительности, но и воспринимать все страдания, связанные с пребыванием человека в этом мире как особую милость Божью – милость, позволяющую быть причастным страданиям, смерти и воскресению Христа. К этому приходит мать героев романа, утверждающая это «высокое право» человека – «право страдать за Христа» («Noheit, leiden zu dürfen für Gott») (237).

Беллевское представление о человеке неразрывно связано с этой позицией – например, в интервью Пауля Шаллюка с Беллем, опубликованном в 1953 году, Белль говорил: «Я вижу бытие человека и переживаю его как производное от Бога и в его обращенности к Богу, которого я мыслю как Бога христианского»⁵. Белль никогда не отказывался от такого понимания человека – и много позднее он связывал понятие человека с понятием «вочеловечивания», причем в собственно католическом смысле, как соединение божественной и человеческой природ⁶. В беседе с К.-Й.Кушелем Белль сказал, что он верит в Бога потому, «что существует человек. И потому, что люди

заклучают его в себе благодаря вочеловечиванию»⁷. Такой прямоты и непосредственности в выражении религиозного понимания человека после романа «Крест без любви» в творчестве Белля уже нет. Несмотря на то, что приметы церковного и шире – религиозного быта сохраняются и играют большую роль в последующих произведениях писателя, позиция лирического героя мотивируется в них уже преимущественно этически. Так мотивы причастия буйвола и причастия агнца в романе «Бильярд в половине десятого» хоть и явно соотносятся с католическим таинством причастия, но выступают здесь прежде всего как символы, раскрывающие собственно этические позиции героев.

Вместе с тем эти позиции мыслятся как подчеркнута и даже демонстративно асоциальные, – отсюда один из важных лейтмотивов романа «Бильярд в половине десятого»: «долг, честь, порядочность» – эти «добродетели» могут заменять человеку совесть. Таково поведение Шреллы в этом романе или чрезвычайно радикально реализованный в повести «Самовольная отлучка» мотив отчуждения героя от военного коллектива: герой повести выбирает себе в армии должность ассенизатора, распространяющего вокруг себя запах фекалий и таким образом создающего непреодолимую границу между собой и окружающими его товарищами по службе и военным начальством. В рассказе «Выбрасыватель» герой, едущий по утрам в трамвае на работу, испытывает «блаженное чувство асоциальности», так как его работа «выбрасывателя», уничтожающего поступающую в учреждение почту, воспринимается им как асоциальное действие, отделяющее его от всех бюргеров, мыслящих свое существование как выполнение социального долга.

Понятие долга, «серьезности долга» получает у Белля преимущественно негативную, ироническую или сатирическую окраску: так в рассказе «Мое печальное лицо» говорится о «животной серьезности» с усердием выполняющего свой служебный долг человека – такие персонажи у Белля принципиально лишены иронии, они принимают свою социальную роль и идеологию общества всерьез, без дистанции, отождествляют себя с ней. Поэтому они в глазах героев Белля, иронически воспринимающих свою социальную роль, именно «они», марионетки, статисты, не имеющие за душой ничего своего. Герой сатирической повести «Самовольная отлучка» говорит: «Вочеловечивание начинается тогда, когда кто-то уходит из своей части в самовольную отлучку»⁸. Во «Франкфуртских лекциях» Белль

⁴ Анализ поэтики лирической прозы Белля с этих позиций выполнен в монографии автора данной статьи «Современный западный роман: проблемы эпической и лирической формы», а более детально – в его же диссертации «Соотношение лирического и эпического в западногерманском романе» (МГУ, 1979).

⁵ Paul Schallück: Interview met Henrich Böll // *Literair Paspoort* (Amsterdam) 8 (1953), N 69. – S.187 (Zit. nach Schnepf B. Die Aufgabe des Schriftstellers. Bölls künstlerisches Selbstverständnis im Spiel unbekannter Zeugnisse // Werner Bellmann (Hrsg.): Das Werk Heinrich Bölls. Bibliographie mit Studien zum Frühwerk. – Opladen 1995. – S. 51).

⁶ Так в «Pastorale Konstitution Gaudium und Spes» сказано: «Так как в Нем (в Христе) человеческая природа была принята, без того чтобы она была (Им) поглощена, она тем самым уже и в нас была возвышена. Ибо Он, Сын человеческий, в своем вочеловечивании соединился с каждым человеком».

⁷ Siehe K.-J. Kuschel im Gespräch mit Heinrich Böll // *Publik-Forum* 12 (1983) N 17. – S.16.

писал: «Возвышенное – асоциально»⁹, в печати он неоднократно называл себя даже анархистом.

Можно до определенной степени согласиться с Х.Юргенберингом, что Белль акцентирует связь молитвы с повседневностью, мирским, пытаясь вывести таинства из сферы далекого и недоступного¹⁰. «У Белля мы можем наблюдать прогрессирующую «трансформацию» религиозных понятий и представлений в мирские отношения. Речь идет о растворении сакрального в профанном... Это согласуется с интенциями позднего творчества Белля»¹¹.

Беллевская «эстетика гуманного» все же вряд ли предполагает «растворение» сакрального в профаном, скорее речь должна идти о своеобразной сакрализации бытового существования человека, которое, по мнению писателя, всегда третировалось немецким идеализмом как в жизненной практике, так и в искусстве. Как показано во «Франкфуртских лекциях», именно в быту, в конкретных, повседневных отношениях людей проявляется истинно человеческое – «гуманное». Эта этико-эстетическая позиция писателя с большой полнотой реализована в повести 1966 года «Чем кончилась одна командировка». Если оставаться в пределах категорий сакральное / профанное, то понятие «вочеловечивания» вполне объясняет присутствие религиозного элемента в позиции героя лирической прозы.

Вместе с тем в прозе Белля быстро исчезает прямое слово о собственно религиозных ценностях, которые, как мы видели, тем не менее остаются истинной основой этической позиции писателя. В негативной форме религиозное начало в романах 50-х годов отчасти получает выражение в критике священнослужителей, церковной практики, тем самым указывая на ту религиозную истину, которая часто передается забвению в церкви как социальном инсти-

туте. В такой ситуации оно, в соответствии с поэтикой жесткого противопоставления внешнего и внутреннего в лирической прозе Белля, уходит из прямого слова, чтобы еще глубже укорениться в глубине внутреннего мира личности. Религиозное чувство приобретает более интимный характер, оно бежит больших слов, уходит от языка церкви, дистанцируется от всего внешнего, чтобы поселиться и жить в глубине души героя, в повседневной мирской речи и мирских заботах человека.

Это связано в том числе и со сложившейся в европейском обществе духовной ситуацией, в которой религиозное чувство переживается как глубоко интимное, оно страшится выразить себя вслух, боится какой бы то ни было демонстративности. Отчетливая религиозная позиция была в юности Белля и в период написания первого романа серьезной и действенной идеологической опорой в сопротивлении национал-социалистическому режиму. После войны ситуация должна была измениться. Тенденцию лирической прозы писателя, проявляющуюся в дистанцировании от идеологической ортодоксальности в выражении религиозных переживаний, после войны следует связать со страхом перед любой идеологией, который стал приметой послевоенного времени в Германии после того как идеология сыграла роковую роль в истории страны. Недоверие художника к любой идеологии было характерно для всех писателей группы 47, чутко реагировавших на духовную ситуацию в стране.

⁸ Böll H. Entfernung von der Truppe // H.B. Kölner Ausgabe, Bd. 14. – S. 251.

⁹ Böll H. Frankfurter Vorlesungen. – Köln-Berlin, 1966. – S.107.

¹⁰ Jürgenbehning H. Liebe, Religion und Institution. Ethische und religiöse Themen bei Heinrich Böll. – S. 101.

¹¹ Ibid. – S. 95.

RELIGIOUS SOURCE OF THE LYRIC PROSE BY HEINRICH BÖLL

© 2012 N.T.Rymar^o

Samara State University

Religious basis of the lyric prose by Heinrich Bull in his first novel *Cross without Love*.

Key words: Heinrich Böll, novel *Cross without Love*, lyric prose, religious consciousness, conflict of absolute and social values, lyric hero.

^o Nikolay Timofeevich Rymar, Doctor of Philology, Professor of the chair of Russian and Foreign Literature. E-mail: Nikolaj.Rymar@gmail.com